

© Коллектив авторов, 2013
УДК 343.9

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Л.Ю. Перемолотова, А.И. Шилов

Академия ФСИН России, г. Рязань

В статье рассматривается генезис уголовного законодательства России об ответственности за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения за длительный период времени, охватывающий XX-XXI вв. Авторы, проведя криминологический и социально-правовой анализ антиалкогольной политики, пришли к выводу, что в России алкогольная ситуация начала XXI века характеризуется усилением остроты проблемы и дальнейшим расширением масштабов «пьяной» преступности.

Ключевые слова: «пьяная» преступность; ответственность за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения; намеренное и ненамеренное опьянение.

Состояние опьянения в уголовном законодательстве дореволюционной России не признавалось обстоятельством, освобождающим от ответственности за совершенное преступление. Согласно ст. 43 Воинского Устава Петра I «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем зло решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинения получил, но по вине вящю жестоко наказуем имеет быть» [1].

В Уставе благочиния или полицейском не просто говорилось о борьбе с пьянством, а были заложены элементы социальной реабилитации хронических алкоголиков. Так, в ст. 256 этого Устава записано: «Буди же кто злобычен в пьянстве, непрерывно пьян или более времени в году пьян, нежели трезв, того отдать на воздержание и в смиренный дом, он деже исправится».

Свод законов 1834 г. (ст. 113) гласит: «Всякий совершивший деяние в состоянии опьянения признается виновным». Причем уже в этом Своде проводилось различие между деянием, неумышленно совершенным в пьяном состоянии, когда опьянение, хотя и не служило оправданием подсудимому, но не влияло на смягчение наказания,

и деянием умышленным, совершенным в пьяном виде, когда опьянение, наоборот, усиливало ответственность.

Ст. 106 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержала специальное положение о влиянии простого опьянения на ответственность и различала опьянение намеренное и ненамеренное. Под намеренным опьянением в данной статье подразумевались случаи, когда лицо привело себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление. Совершение деяния в состоянии намеренного опьянения влекло за собой высшую меру наказания, предусмотренную за это деяние. В отношении ненамеренного опьянения в ч. 2 ст. 106 Уложения только указывалось, что мера наказания назначается по другим сопровождающим преступление обстоятельствам. Следовательно, в преступлениях, совершенных в состоянии ненамеренного опьянения, факт опьянения не может ни усилить наказания, ни уменьшить его. Однако в Особенной части Уложения этот принцип не раз нарушается, и в целом ряде ее норм опьянение признается обстоятельством, смягчающим ответственность.

Устав о наказаниях совсем не упоминал об опьянении. Мировые судьи в этих случаях должны были руководствоваться Уложением. Военский уголовный устав также не содержал специальных норм об опьянении.

И хотя в конце XIX века преобладала установка, что «наказание, понесенное действительным преступником, должно иметь в виду преступников будущих, возможных...», судебная снисходительность к лицам, совершившим преступления в состоянии опьянения, все же сохранилась [2].

При изучении материалов уголовной статистики и научных исследований «пьяной» преступности конца XIX – начала XX века [3], нами установлено, что спаивание народа сопровождалось постоянным ростом преступности. Криминологический анализ этих взаимосвязанных аномальных общественных явлений, проведенный автором на фоне алкогольной ситуации конца XIX – начала XX века, отчетливо показал причинную обусловленность роста преступности, связанного как с экономическими, политическими, социальными факторами, так и с увеличением алкогольного потребления. Так, по заключению И. Сикорского, с увеличением потребления спиртного рост преступлений в 80-90-е годы XIX века составил среди мужчин 10 %, женщин – 25 % [4].

При этом в городах по отдельным видам преступлений удельный вес совершивших их лиц в пьяном состоянии составлял: за религиозные преступления – 60,5 %; убийства – 39,0 %; телесные повреждения – 53,5 %; преступления против чести и целомудрия женщины – 62,0 %; кражи – 52,9 %; разбой – 81,2 %; грабеж – 42,1 % [5].

Наряду с уголовно-правовыми мерами, направленными на предупреждение распространения пьянства, принимались также ограничительные, запретительные, медицинские, общественные, индивидуально-профилактические меры, которые, как правило, не имели положительного результата (в качестве примера можно привести безуспешные попытки царского правительства использовать Гётенборгскую модель (Швеция) ограничительных

мероприятий, получившую свое развитие в западных странах, непоследовательные меры «сухого» закона 1914 г., неудавшуюся деятельность попечительств о народной трезвости).

Подводя итоги политики царизма в отношении алкогольного потребления и борьбы с пьянством, можно согласиться с глубоким по содержанию выводом известного борца за трезвость В.Я. Канеля в том, что «ни горячие призывы к совести индивидуума, к его моральному сознанию, ни государственные мероприятия, сводившиеся к высокому уровню налогообложения торговли спиртом, к установлению ограничительных мер не в состоянии дать благотворительных результатов в отношении борьбы с пьянством. Алкоголь стал физической потребностью масс, благодаря окружающим социальным условиям. Поэтому вопрос об алкоголизме является социальным вопросом, и борьба с этим злом представляет одну из серьезных задач социальной политики» [6].

Достаточно своеобразно становление и развитие советского антиалкогольного законодательства, формы и методы реализации выдвигаемых целей и результаты борьбы с пьянством и алкоголизмом.

Новый этап развития антиалкогольного законодательства России, начавшийся после Октября 1917 г., можно охарактеризовать жесточайшим подавлением «пьяных» погромов, пролонгированием запретительных мер «сухого» закона, непримиримой борьбой с самогонварением. Более того, распитие спиртных напитков в общественных местах и появление там же в нетрезвом состоянии уже рассматривалось как уголовное преступление [7].

Декрет СНК от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» явился первым многоплановым законодательным актом советского правительства, отразившим стратегию нового режима в алкогольном вопросе. Ст. 11 Декрета гласила: «За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напит-

ков... в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года» [8].

Таким образом, советское уголовное законодательство начального периода карало в основном само пьянство как уголовно-наказуемое деяние.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. не содержали указаний об ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Однако это вовсе не говорило о ненаказуемости лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Если даже само состояние опьянения и появление в этом состоянии в общественных местах признавалось тогда уголовно наказуемым деянием, то совершение преступления в нетрезвом состоянии, бесспорно, не могло оставаться безнаказанным и влекло за собой уголовную ответственность. Поэтому не было особой необходимости специально оговаривать в законе наказуемость преступлений, совершенных в подобном состоянии. Лица, совершившие деяние в состоянии глубокого опьянения, лишавшем способности отдавать отчет в своих действиях (ст. 14 Руководящих начал), признавались невменяемыми и неотвечественными за свои «пьяные» поступки, но они не менее сурово наказывались (ст. 11 Постановления СНК от 19 декабря 1919 г.) за приведение себя в это состояние.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. уже не содержал норм, подобных ст. 11 Постановления СНК от 19 декабря 1919 г. Ст. 17 УК РСФСР 1922 г. установила, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройства душевной деятельности, или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не могли отдавать себе отчет в своих действиях...». Следовательно, состояние глубокого опьянения, когда лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях, признавалось обстоя-

тельством, устраняющим вменяемость. Однако в специальном примечании к ст. 17 указывалось, что «действие настоящей статьи не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления».

Норма, изложенная в указанном примечании, сужала уголовную ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения, устанавливая уголовную ответственность только за намеренное опьянение с целью совершения преступления, оставляя тем самым безнаказанными все остальные случаи совершения преступления, в состоянии полного опьянения виновно, вызванного самим субъектом [9].

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. не имели никаких указаний о значении состояния опьянения для уголовной ответственности.

С введением новой экономической политики в «революционный курс» вносятся значительные коррективы. В целях получения финансовых средств для строительства заводов и фабрик 28 августа 1925 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» вводится государственная винная монополия. Реализация алкогольной реформы вызвала резкий всплеск преступности. В 1926 г. по сравнению с «домонопольным» 1924 г., число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло в городах на 27 %, в селах – на 38 % [10]. Анализ их характера свидетельствует о высокой степени опасности – 31 % умышленных убийств, 40,5 % тяжких телесных повреждений было совершено в пьяном виде [11].

В связи с ростом преступности советское правительство в течение 1926-1929 гг. принимает ряд законодательных актов, предусматривающих осуществление комплекса ограничительных и иных профилактических мероприятий: Декрет СНК РСФСР «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-воспитательной работы по борьбе с алкоголизмом» от 11 сентября

1926 г., Постановление СНК РСФСР «О мерах по усилению борьбы с самогеноварением» от 27 декабря 1927 г., Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации местных специальных комиссий по вопросам алкоголизма» от 16 мая 1927 г., Постановление СНК РСФСР «О мерах ограничения торговли спиртными напитками» от 29 января 1929 г. и др.

Уголовный кодекс 1926 г. содержал ст. 11, определяющую признаки невменяемости. В примечании к этой статье говорилось, что ее действие «не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения». Вопрос о значении опьянения аналогичным образом решался и соответствующими статьями УК большинства союзных республик. Исключение составляли только УК Азербайджанской ССР, в котором никаких оговорок относительно условий ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, не содержалось, и УК Украинской ССР (примечание к ст. 10), признававший вменяемыми и ответственными за свои поступки всех лиц, приведших себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление.

В Уголовном кодексе 1960 г., принятом в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, вопрос об ответственности лиц, совершивших преступления в нетрезвом состоянии, решался независимо от намеренности или ненамеренности их опьянения. Основы в специальной статье подчеркивали, что «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности».

Стремительный рост потребления спиртных напитков в 50-60-е годы (с 1,85 л – в 1950 г. до 6,7 л абсолютного алкоголя – в 1970 г.) обусловил необходимость принятия новых законодательных актов, направленных на борьбу с пьянством. Такими стали: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» от 15 декабря 1958 г., Указ Президиума Вер-

ховного Совета РСФСР «О мерах борьбы с самогеноварением и изготовлением спиртных напитков домашней выработки» от 29 января 1960 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за самогеноварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» от 8 мая 1961 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 19 июня 1972 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» от 1 марта 1974 г.

Характерной особенностью большинства из этих нормативных актов явилось усиление ограничительных мер, связанных с производством и продажей спиртного, постоянное ужесточение уголовной и административной ответственности за самогеноварение, укрепление материальной базы милиции и наркологических служб, широкое вовлечение общественности в борьбу с пьянством. В конце 50-х – начале 60-х гг. вышли в свет научные исследования, посвященные изучению личности преступника и причин преступности в СССР [12]. В них нашли отражение и результаты научного изучения проблем, связанных с алкоголизмом. Вопросы борьбы с алкоголизмом как с социальным явлением стали предметом обсуждения на научных конференциях, посвященных проблемам преступности, судебной психиатрии и уголовного права. Так, на научной конференции по судебной психиатрии, состоявшейся в 1958 г. в Москве, в ряде докладов и выступлений было дано обоснование ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения [13].

Принятый в 1960 г. Уголовный кодекс РСФСР содержал ряд норм, касающихся особенностей уголовной ответственности лиц за совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения. Так, ст. 12 УК РСФСР гласила, что лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного опьянения, не освобождается от уголовной ответственности. При

назначении наказания состояние опьянения относилось к обстоятельствам, отягчающим ответственность, о чем говорилось в п. 10 ст. 39 УК. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» устанавливается, что совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, является обстоятельством, отягчающим ответственность [14].

УК РСФСР 1960 г. также регламентировал применение принудительных мер медицинского характера к алкоголикам: «В случае совершения преступления алкоголиком ... суд, при наличии медицинского заключения, по ходатайству общественной организации, коллектива трудящихся, товарищеского суда, органа здравоохранения или по своей инициативе, наряду с наказанием за совершенное преступление, может применить к такому лицу принудительное лечение» (ст. 62).

Позитивно оценивая большинство из принятых документов и анализируя их выполнение, хотелось бы отметить, что, несмотря на конструктивные идеи, изложенные в антиалкогольных актах 50-70-х гг., многие из них не выполнялись. Причины коренились в экономической и социальной политике, двойной морали «для себя» и «для других». Планируемые мероприятия носили паллиативный характер, т. е. заранее были обречены на провал в силу финансовой заинтересованности государства в доходах от продажи виноводочных изделий.

Особый интерес представляет антиалкогольная ситуация середины 80-х годов и «революционные» меры по искоренению пьянства. Принятые ЦК КПСС и правительством в мае 1985 г. Постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» содержали обширный комплекс организационных, экономических, административно-правовых и воспитательных мероприятий. В антиалкогольную пропаганду активно включились печать, радио, телевидение, литература и

искусство. Развернутая в стране, беспрецедентная по своему размаху, антиалкогольная кампания принесла на первых порах позитивные изменения в алкогольной ситуации.

Ответственность лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, предусматривается и Уголовным кодексом РФ 1996 г. (ст. 23).

Проведя криминологический и социально-правовой анализ антиалкогольной политики, можно отметить, что в России антиалкогольная ситуация начала XXI века характеризуется усугублением остроты проблемы и дальнейшим расширением масштабов распространения пьянства и алкоголизма.

Литература

1. Проблемы судебной психиатрии. – М., 1961. – Сб. 9. – С. 374; см. также: Таганцев Н.С. Лекция по русскому уголовному праву. Часть Общая / Н.С. Таганцев. – СПб, 1886. – Вып. 2.
2. Таганцев Н.С. Указ. соч. – С. 500.
3. Каверин К. Очерк теории уголовного права / К. Каверин // Юрид. журнал. – 1860. – Кн. 1. Отд. 3. – С. 37.
4. Берман Я.А. Пьянство и преступность (по данным Свода статистических сведений по делам уголовным за 1906-1910 гг.) / Я.А. Берман. – Пг., 1914; Коровин А.М. Преступность и алкоголизация населения Московской губернии (без Москвы) / А.М. Коровин. – СПб, 1913; Познышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности / С.В. Познышев. – М., 1915; Соловьев А.Г. К вопросу о борьбе с пьянством, преступностью и нищенством / А.Г. Соловьев. – Казань, 1914; Сорокин П. Преступность и ее причины П. Сорокин. – Рига, 1913; Тарновский Е.Н. Движение некоторых видов преступности за 1895-1900 гг. в связи с введением винной монополии Е.Н. Тарновский. – СПб, 1902.
5. Сикорский И. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России / И. Сикорский. – СПб, 1899. – С. 86.

6. Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступность в г. Санкт-Петербурге (по материалам Санкт-петербургских городских больниц и архива Санкт-Петербургского окружного суда): дис. ... д-ра мед. наук / Н.И. Григорьев. – СПб, 1900. – С. 209.
7. Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним / В.Я. Канель. – М., 1914. – С. 523.
8. История советского уголовного права. – С. 79-80.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). – М., 1953. – С. 61-63.
10. Габиани А.А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения / А.А. Габиани. – С. 63.
11. Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним / Э.И. Дейчман. – М., 1929. – С. 142.
12. Герцензон А.А. Основные черты современной преступности в РСФСР / А.А. Герцензон // Революция права. – 1929. – № 4. – С. 65.
13. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / А.Б. Сахаров. – М., 1961; Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию / А.А. Герцензон. – М., 1965; Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений / под ред. А.А. Герцензона. – М., 1962; Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней / А.А. Пионтковский // Сов. гос-во и право. – 1953. – № 3; Яковлев А.М. Об изучении личности преступника / А.М. Яковлев // Сов. гос-во и право. – 1961. – № 11.
14. Проблемы судебной психиатрии. – М., 1961. – Сб. 9.

DEVELOPMENT OF RULES OF THE RUSSIAN PENAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY OF DRUNK CRIMES

L. Yu. Peremolotova. A.I. Shilov

The article deals with the genesis of penal legislation in Russia concerning crimes committed in a state of alcoholic intoxication in XX-XXI centuries. Based on the criminological, social and legal analyses of anti-alcohol policy the authors suggest that in the beginning of XXI century alcoholic situation in Russia is characterized by increase in the issue urgency and further expansion of alcohol-related crimes.

Key words: *alcohol-related crimes; responsibility for the crime committed in a state of alcohol intoxication; liberate and deliberate alcohol intoxication.*

Перемолотова Л.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России.

Шилов А.И. – канд. юрид. наук, доц., начальник отдела по восстановлению прав граждан аппарата Правительства Рязанской области.